

Т. В. Шмелева
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород

Авторское начало медиатекста: удельный вес //

Язык. Дискурс. Текст: V Международная научная конференция, посвященная юбилею проф. Г.Ф. Гавриловой: Труды и материалы. Ч.I / Педагогический институт Южного федерального университета. – Ростов н/Д.: Изд-во «АкадемЛит». 2010. – С. 325—327.

К авторскому началу как элемент структуры текста уже приходилось привлекать внимание в научных статьях и учебных пособиях, противопоставляя его двум другим элементам – тематической основе и рематическому утку (Шмелева 1998; 2005; 2006). В пособиях приводится толкование этого понятия: авторское начало – это смысловая часть текста, в которой проявляется речевое поведение автора и его рефлексия по поводу своего текста; оно может включать указание на адресата, его планируемые действия, представляя собой путеводитель по тексту. Если иметь в виду словесное выражение, то авторское начало придется признать факультативным, так как автор текста может ограничить своё присутствие в нем грамматикой высказывания.

Иначе говоря, авторское начало противопоставлено объективно-информативному. Если же говорить о том, как оно строится, то необходимо вспомнить о том, что в каждом предложении есть собственное авторское начало – это его *модус* (Балли 1955; Шмелева 1988; 2008). Из этого следует, что краеугольным камнем авторского начала текста оказывается цепь модусов высказываний, которые его составляют. Второй камень в строительстве авторского начала текста – *метатекст*, или часть текста, информирующая о нем самом, играющая роль инструкции для читателя (Вежбицка 1978).

Две этих составляющих авторского начала хорошо видны, буквально за несколько занятий удастся научить видеть и показывать авторское начало, например, выделяя его маркером. Техника его «вычитывания» из цельного

текста довольно проста: надо обратить внимание, во-первых, на грамматику глагола и оформление предикатов; во-вторых, на водные слова и конструкции, тем более что они почти последовательно выделяются запятыми; в-третьих, на главные части изъяснительных сложных предложений (всё это разные проявления модуса предложений); наконец, на самостоятельные метавысказывания типа *Начнем с примера* (а это собственно метатекст).

Суммируя наблюдения над разными формами проявления авторского начала в тексте (перечисление не исчерпывающее) и интерпретируя их в смысловом отношении, можно составить сценарий авторского поведения и таким образом охарактеризовать авторское начало текста. Более того, работая только с этим элементом текста (отнюдь не элементарным!), можно получить типологию текстов, для которой существенны такие моменты, как выявление автора в тексте, удельный вес авторского начала, круг субъективных смыслов и др.

Не ставя перед собой столь значительных задач, попытаемся показать, что значит авторское начало для понимания и стилистического анализа современных медийных текстов, продолжая изучение этого феномена массовой коммуникации (Шмелева 2009; 2010) и включаясь в традицию его исследований (Засурский 2008), которую уже принято обозначать *отечественная медиалингвистика*.

При этом хотелось бы сосредоточить внимание на одном моменте – **удельный веса** авторского начала. Под этим термином можно понимать относительное текстовое пространство, отведенное под авторское начало. Современная техника позволяет измерить соотношение объективно-информативного и авторского начал в тексте в знаках или в процентном соотношении; удобно использовать и такие «меры», как абзац, раздел текста. Покажем это на примере текста из газеты «Известия»:

В середине прошлого века в оперу ходили на голоса. Когда голоса стали исчезать, начали ходить на режиссуру. Потом режиссуры стало слишком много, и захотелось другого. Настало время музыки. То есть теперь хочется совсем незамысловатого – просто пойти на оперу Римского-Корсакова. Чтобы получить удовольствие. Так вот сейчас это и случилось. Событие нового спектакля – музыка. Оркестр увлекающий, захватывающий, горячий. Событийный, эмоционально разнообразный. Певучий и драматичный. Для Евгения Бразника «Царская» – своя партитура, которую он чувствует и любит. И лучше всего, когда о дирижере говорить не хочется, потому что все происходит само собой.

Подсчеты знаков показывают, что авторское начало составляет 39% (257 знаков из 651). Отметим, что в данном фрагменте текста его автор персонально себя не проявляет, ведет обьективированное изложение впечатлений от музыкального спектакля. И этот составляет один из резервов повышения удельного веса авторского начала. Так, во второй части фрагмента, где модус выражается нулевыми показателями, что обеспечивает «теневое» присутствие автора и практически не занимает текстового пространства, можно представить себе экспликации автора: *Оркестр показался мне увлекающим, захватывающим, горячим. Можно сказать, событийным, эмоционально разнообразным.* Понятно, что удельный вес авторского начала при этом существенно возрастет до 44%. Однако в исходном тексте автор проявляется минималистски, такова его коммуникативная тактика – представлять свои впечатления как обьективные свойства вещей и событий.

Понятно, что новостной текст предполагает минимальный удельный вес авторского начала, тогда как аналитические жанры – максимальный. Очевидно, что повышение его удельного веса может производиться в соответствии с коммуникативным замыслом автора и жанром текста. Понятно, что нет стандартов проявления автора в медийном тексте, но

ощущение, что автор занимает слишком обширное текстовое пространство, – возникает довольно часто при чтении материалов масс-меда.

Повышенный удельный вес авторского начала в медийном тексте может иметь различные содержательные и стилистические эффекты, что можно показать на примере анализа одного текста новгородского журналиста, редактора независимой «Новой новгородской газеты» Сергея Брутмана (Брутман 2010).

Свою редакторскую колонку он обозначает **в области сердца**. Анализируемый материал представляет собой комментарий к письму от председателя городской Думы, содержащему просьбу обратить особое внимание на правильное употребление наименований *пл. Софийская – Победы, ул. М. Джалиля-Духовская* и др. Просьба, как указывается в письме, вызвана обращением ветеранов в преддверии 65-й годовщины Победы.

Дело в том, что в Великом Новгороде в 1991 году были возвращены дореволюционные имена улиц типа *Софийская* или *Духовская*, а затем под натиском ветеранов некоторые советские были возвращены, но не совсем, а как часть искусственно объединенных в одно разновременных имен. Тот факт, что произносить такие «соединения» новгородцы, и журналисты в том числе не умеют и не стремятся, и вызывает озабоченность ветеранов.

Текст С. Брутмана составляют 6 разделов, включающих от 2 до 5 абзацев разной величины. Первое слово раздела (чаще вместе с предлогом или союзом – В РУССКОМ, И ПРОШЛО, К ЧЕМУ, ПУСТЬ, У КАЖДОГО) набрано прописными жирным шрифтом, то есть их дифференцированность фиксируется визуально.

Первый абзац полностью должен быть отнесен к авторскому началу: автор говорит здесь о своем ощущении жизни как вечной зимы безнадежного застоя; при этом стилистически значим переход от имплицитного, но несомненно личностного обозначения автора (*немеют мышцы, отвечающие за улыбку*) – к прямому: *на своем веку помню я...*

Второй раздел в два абзаца включает знаменитую цитату из Тургенева «Во дни сомнений...» (она набрана полужирным курсивом) и вводящее высказывание – «безличное» грамматически, но очевидно имплицитное первое лицо: *Но есть нечто, что позволяет пережить и стыд, и боль, и вид черных весенних садов, пробитых морозами, и не роптать на Родину и судьбу. Есть, есть.* Из этого фрагмента текста становится понятным его название – **ТЫ ОДИН...**

Третий раздел текста написан во втором лице – его грамматическим адресатом оказывается русский язык, здесь автор как бы продолжает цитату, не меняя ее грамматику: *Ты похож на русскую избу... Уют твой так притягателен....*

Четвертый раздел текста начинается с метавысказывания *К чему это я? А вот к чему.* И далее излагается письмо, занимая большее текстовое пространство. Чиновничий текст набран полужирным, что выдвигает его в один ряд с тургеневской цитатой, но отличает от нее прямизной и квадратностью шрифта. Чиновничий стиль толкает автора на «стилистическое эхо» и автор дает возможный, стилистический адекватный ответ в ирреальной модальности: *Ответ на это можно было бы дать такой: «В связи с существованием великого и могучего русского языка...».* Ирреальный ответ дается не только в кавычках, но и жирным шрифтом, параграфемно подчеркивается его равнозначность чиновничьей просьбе.

В пятом разделе автор вновь появляется явно: *пусть... ответят мне на вопрос...* На самом деле он излагает свою позицию по отношению к именам улиц, которые соединяют в себе средневековое прилагательное и советский родительный падеж. Прибегая к параграфемным средствам, автор выделяет жирным слово **искажил**, говоря о противоестественности таких наименований.

В последнем разделе авторская позиция не только недвусмысленно формулируется (*Лично я этого делать НИКОГДА НЕ БУДУ*), но и обосновывается: *Родной язык, правдивый и свободный от воли политиканов,*

– это всё, что у нас остаётся, чтобы устоять, чтобы перетерпеть вашу зиму. Важно отметить, что завершающая текст фраза включает не Я авторское, а МЫ – тем самым все изложенное автор мысли как ощущения, характерные для него как той части новгородцев, которые ощущают ценность родного языка и переживают противоестественные чиновничьи «компромиссы» как покушение на свою свободу говорить на естественном русском. Тем более что он у нас один.

Таким образом, анализ авторского начала текста показывает, что, казалось бы, преувеличенный его удельный вес оказывается носителем не выраженной явно информации о том, что произнесение имен улиц своего города воспринимается автором как глубоко личного переживание в глубоком контексте языковых, культурных и социальных ощущений, которые, как оказывается, неразделимы.

Такой смысловой эффект достигается за счет стилистически выверенного авторского начала текста, в котором, как хотелось показать, активно взаимодействуют эксплицитные и имплицитные способы представления автора, различные грамматические показатели, выразительная лексика и параграфемные средства.

Точность подбора этих средств и четкая авторская позиция обеспечивает и тот факт, что обращение к цитате из Тургенева, «зацитированной» буквально до полного изнеможения, не производит впечатления тривиальности, а составляет выразительный «текст в тексте». Как уже было сказано, автор трижды прибегает в приему, включая в свой текст поочередно цитату из Тургенева, чиновничье письмо и свой ответ в его стилистике. Чужие тексты, их соположенность на газетной полосе и несовместимость в культуре – тоже «льют воду на мельницу» автора, оказываясь особым средством выражения авторской позиции.

Анализ этого конкретного текста, как представляется, может убедить в том, что средство формирования авторского начала в медиатексте весьма обширны; выявление их потенциала, характера взаимодействия, зависимости

от редакционной политики издания и стилистического мастерства пишущего журналиста – одна из задач медиалингвистики.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Брутман С. Ты один... // Новая новгородская газета №5. 3.02.2010.

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М, 1978.

Засурский Я.Н. Медиатекст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики: Сборник статей / Сост. Г.Я. Солганик. 3-е изд. М., 2008. – С. 7—12.

Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В. А Белошапковой, И. Г. Милославского. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 168–202.

Шмелева Т.В. Текст сквозь призму метафоры тканья // Вопросы стилистики. – Саратов, 1998. – Вып. 27. – С. 68–75.

Шмелева Т.В. Текст как объект изучения в школе: учеб.-метод. пособие для студентов пед. специальностей / НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2005. – 60 с.

Шмелева Т.В. Текст как объект грамматического анализа: учеб.-метод. пособие / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2006. – 63 с.

Шмелева Т.В. Модальность и модус // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению : сб. науч. тр. / под ред. С. С. Ваулиной. – Калининград, 2008. – С. 140–151.

Шмелева Т.В. Паратекст медийного текста // Структурно-семантические параметры единиц языка и речи : сб. науч. статей / отв. ред. О. М. Чупашева. – Мурманск, 2009. – С. 145–149.

Шмелева Т.В. Текст и паратекст в современной массовой коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность :IV Международный Конгрессе исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20—23 марта 2010): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 579—580.